

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

ЧТО ТАКОЕ
«ЭТНОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОСТИ»?

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ
АБОРИГЕНОВ СИБИРИ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И ОБРЯДНОСТЬ

ЭТНОКОНСОЛИДАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

ЭТНОКОНСОЛИДАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ*

К концу XIX—началу XX в. наиболее крупные этнические общности Средней Азии и Казахстана типологически представляли собой народности феодальной эпохи и характеризовались общностью языка и комплексами материальной и духовной культуры, находивших свое отражение в этническом самосознании и самоназвании. Однако характернейшей чертой этнической структуры народов этой историко-этнографической области было сохранение племенного деления у скотоводческих и локально-регионального — у земледельческих народов.¹ Хотя при изучении специфики социального строя теперь не следует преувеличивать значение этой структуры, пережившей за длительную историю своего существования многократные сложные и глубокие изменения, вместе с тем для анализа этнической ситуации она исключительно важна.

Присоединение Средней Азии и Казахстана к России вызвало существенные перемены в социально-экономической и культурно-политической жизни народов этого региона, что нашло вскоре свое непосредственное отражение в этнических процессах, приведших к формированию наций у узбеков, таджиков и казахов. Это знаменовало начало нового этапа в этническом развитии всех народов этой историко-этнографической области, хотя процесс национальной консолидации проходил здесь медленно и противоречиво и по существу не мог завершиться в условиях царизма, превратившего национальные окраины в свои колонии.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла действительно новую эру в этническом развитии народов Средней Азии и Казахстана. Сложность этнического состава населения региона учитывалась уже с первых лет установления Советской власти. В июне 1920 г. в замечаниях по проекту решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане В. И. Ленин предлагал: «1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей».²

* В основу данной статьи положен доклад автора на X МКАЭН в Дели (декабрь 1978 г.): Reshetov A. M. Processes of ethnic consolidation in Soviet Central Asia and Kazakhstan. — In: X International Congress of anthropological and ethnological sciences. General problems of ethnography. Papers by Soviet researchers, vol. 1, Moscow, 1978, p. 54—66.

¹ Подробнее см.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М., 1962; т. 2. М., 1963; Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX—начало XX в.). — В кн.: Расы и народы, вып. 4. М., 1974; Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974; Жандосов Ж. К. Общее и особенное в процессе перехода к социализму. Алма-Ата, 1978.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 436.

Сложность решения национального вопроса здесь усугублялась тем, что среднеазиатские народы находились на разных уровнях социально-экономического развития и соответственно этнической консолидации.

Важнейшим политическим фактором, определившим основные направления этнического развития народов Средней Азии и Казахстана, явилось национально-государственное размежевание в 1924—1925 гг.³ Этот акт коснулся одного из принципиальных вопросов партийной политики в области национального строительства. Не случайно до сих пор за рубежом не прекращаются попытки фальсификации как истории этого размежевания, так и дальнейшего развития народов этого региона.

Уже 30 апреля 1918 г. было провозглашено образование в составе РСФСР Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, что явилось первым крупным шагом в национально-государственном строительстве в Средней Азии. Позднее были созданы Бухарская и Хорезмская народные советские республики. Партия и органы Советской власти провели большую работу по политическому воспитанию масс. Научная подготовка партией национального размежевания Средней Азии принесла свои результаты. Оно осуществлялось в соответствии с ленинским положением о праве наций на самоопределение. Как результат свободного волеизъявления трудящихся было провозглашено образование национальных республик и автономных областей, получивших свои наименования по самоназваниям наиболее крупных народов: узбеков, туркменов, таджиков, киргизов, каракалпачков. С 1925 г. существуют Узбекская и Туркменская ССР, с 1929 г. — Таджикская ССР, с 1936 г. — Казахская и Киргизская ССР. В 1936 г. на правах АССР в состав Узбекистана вошла Каракалпачская, в состав Таджикской ССР — Горно-Бадахшанская автономная область.

При образовании новых союзных республик и автономных областей ведущим критерием был учет национального состава. Все народы этого региона живут довольно компактно, прежде всего в пределах среднеазиатско-казахстанской историко-этнографической области. И это определенным образом сказывалось как на направлении этнических процессов, так и на проведении национального размежевания. Вне границ этого региона даже по переписи 1970 г. проживало узбеков, киргизов и таджиков по 0,8%, туркмен 1,5% и казахов 9,2%. Главным результатом национального размежевания было создание определенной этнической структуры каждой республики, в которой компактную этническую доминанту составляла одна из коренных национальностей. Таким образом, несмотря на имевшиеся в прошлом племенные и локально-территориальные группы, языковые и культурно-бытовые различия, этнические процессы получили определенную целенаправленность, важнейшим условием которой стала государственность.

Параллельно с процессом национального размежевания проводилось и экономическое размежевание. В свое время В. И. Ленин указывал: «Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за „национального“ момента нелепо и невозможно».⁴ Именно учитывая эти обстоятельства, чимкентские узбеки были включены в состав Казахстана, а самаркандские и бухарские таджики — в состав Узбекистана, и т. п.

³ Подробнее об этом см.: Толстов С. П. К двадцатипятилетию национального размежевания Средней Азии. — СЭ, 1950, № 1; Турсунов Х. Т. О национально-государственном размежевании Средней Азии. Ташкент, 1957; Жданко Т. А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии. — СЭ, 1972, № 5; Киселев Д. С. Теоретические проблемы национальной советской государственности (на опыте республик Средней Азии). Ашхабад, 1977; Национальная политика КПСС в действии. Ташкент, 1979; История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1978. т. 1—2. Изд. 3-е, доп. и перераб., М., 1979.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 149.

Национально-государственное строительство в Средней Азии и Казахстане сопровождалось коренным переустройством и бурным развитием экономики региона. Еще в 1923 г. в решении XII съезда партии отмечалось: «Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне».⁵

Республики Средней Азии и Казахстана развивались темпами, опережающими общесоюзные показатели. Так, если за период 1913—1940 гг. общесоюзный показатель роста объема промышленной продукции равнялся 7.7 раза, то, например, в Таджикистане он равнялся 8.8, а в Киргизии — 9.9.⁶ Быстро росли национальные отряды рабочего класса.⁷ Социалистические производственные отношения победили в промышленности. Опережающими общесоюзные показатели темпами росла в среднеазиатских республиках продукция сельского хозяйства.

К середине 30-х годов в корне изменилась социальная структура: окончательно и целиком исчезли эксплуататорские классы. В результате проведения земельно-водной реформы безземельные и малоземельные крестьяне получили землю. В 30-е годы социалистический сектор полностью победил в сельском хозяйстве. Колхозы и совхозы на деле доказали свои преимущества.⁸

В результате ликвидации былой отсталости народов Средней Азии и Казахстана, в частности стирания классовых различий и формирования социальной однородности, однотипной социальной структуры,⁹ создания материальных условий развитого социализма сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Народы Средней Азии и Казахстана — составная часть этого народа, их экономика — составная часть общесоюзного народного хозяйства.

Принципиально важным для направления процессов этнического развития явилось также оседание кочевников. Переход к оседлости имел исключительно большое значение для преобразования культуры и быта казахов, киргизов, туркмен, отчасти узбеков и других народов, создал условия для дальнейшей консолидации и интеграции этносов.

Глубокие изменения в социально-политической и экономической об-

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. т. 2, Изд. 8-е, М., 1970, с. 438.

⁶ Народное хозяйство СССР. 1922—1972. М., 1972, с. 134.

⁷ Подробнее см.: Развитие народного хозяйства Казахстана за 50 лет советской власти. Алма-Ата, 1967; История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1965 гг.). Ашхабад, 1969; История рабочего класса Таджикистана (1917—1970 гг.). Душанбе, 1972—1973; История рабочего класса Советского Узбекистана. Ташкент, 1974; Трудящиеся Киргизии в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. Фрунзе, 1974.

⁸ Подробнее см.: Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии. М., 1968; Туленбаев Б. А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971; Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. 1917—1972 гг. М., 1974; Непомнин В. Я. Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке (о переходе к социализму республик Средней Азии). Ташкент, 1974.

⁹ Джунусов М. С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения социально-классовой структуры советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 6—21; Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1978; Павленок П. Д. Становление социальной однородности как общая закономерность коммунистической формации. — Вестник МГУ. Серия 12. Теория науч. коммунизма, 1979, № 4.

ластях привели к существенным преобразованиям быта и культуры народов Средней Азии и Казахстана. Ведущим здесь является процесс утверждения нового в сфере быта и материальной культуры.¹⁰ Укрепление общесоветских черт культуры особенно бурно и все убыстряясь стало протекать в послевоенные годы не только в городе, но и в деревне. Внешний вид поселения в целом и современного жилища все меньше характеризуется явно выраженной этнической спецификой, хотя некоторые особенности и сохраняются — в большей мере, например, у узбеков и таджиков, в меньшей у казахов, киргизов и туркмен. В домах современная мебель, бытовая техника. Интернациональной является одежда, особенно мужская, обувь, головные уборы.

Вместе с тем бережно сохраняются и развиваются традиционные элементы, однако они больше отмечаются как показатели не этнической, а в первую очередь региональной, среднеазиатской специфики. Тюркского типа юрта, например, перестала быть основным жилищем, но широко бытует у самых разных народов среди пастухов, а также как летнее, в том числе дачное помещение для отдыха. У домов, особенно в селах, сохраняется плоская крыша, иногда традиционная система отопления, особенно у дунган и корейцев, и т. д. Во дворе, в том числе у бывших кочевников, теперь имеется печь для выпечки лепешек. Женщины во всей Средней Азии, в том числе русские, украинки, армянки и т. д., носят платья, покрой которых прежде был распространен у таджичек и узбечек. Туркменки преимущественно носят традиционную одежду. Женщины независимо от этнической принадлежности носят украшения, прежде распространенные по большей части среди туркмен, таджиков, уйгуров, казахов, и др.

Из видов материальной культуры наиболее стойким является пища. У многих народов сохраняются характерные блюда, воспринимаемые ими как национальные (плов — у узбеков, беш-бармак — у казахов, лагман — у дунган и уйгуров, куксу — у корейцев и т. д.). Однако и здесь произошли глубокие изменения. Как следствие давних контактов между соседями традиционные блюда одного народа ныне широко распространены по всей Средней Азии и Казахстану. Большую роль в интернационализации пищи играет общественное питание, в котором заняты представители разных национальностей: узбеки, уйгуры, русские и др. Чайная церемония, угощение пловом и т. д. стали спецификой всего среднеазиатского ареала. Вместе с тем теперь повсеместно готовят шашлык, борщ и т. д.

Все это — свидетельство глубоких изменений в области материальной культуры, являющихся составной частью характеристики как внутри-, так и межэтнических этноконсолидационных процессов в Средней Азии и Казахстане и предопределяющих дальнейшее сближение народов.¹¹ Все

¹⁰ См., например: Шинло Л. Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; Востров В. В., Кауанова Х. А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; Мирхасилов С. М. К характеристике этнических и культурно-бытовых процессов в советском Узбекистане. — Общественные науки в Узбекистане, 1978, № 4; Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

¹¹ См., например: Антипина К. И., Джумагулов А., Мамбеталиева К. Народные традиции в современной материальной культуре и прикладном искусстве Киргизии. М., 1964; Джамгерчинов Б. Д. Развитие традиционных черт национальной культуры в республиках Советского Востока. М., 1973; Каракеев К.-Г. Хозяйственно-бытовое и культурное сближение советских народов на современном этапе (на примере Средней Азии и Казахстана). М., 1973; Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975; Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 22—36.

происшедшие изменения в области традиционной материальной и духовной культуры и быта не привели к пропорциональному изменению (снижению) уровня этнического самосознания.

С победой Советской власти перестали действовать факторы, препятствовавшие национальному развитию. Следует также вспомнить, что ко времени Великой Октябрьской социалистической революции народы Средней Азии и Казахстана стояли на разных уровнях этнического развития: от реликтовых племен до развитых народностей и даже формирующихся буржуазных наций.

Ведущим в советское время является процесс дальнейшего укрепления структур социалистических наций и народностей, в результате чего постепенно исчезало из жизни и изживается из сознания отнесение себя к определенным региональным, племенным, этнографическим, конфессиональным группам.¹²

За период от 1917 г. до середины 30-х годов процесс интеграции бывших племенных, региональных и иных групп вступил в фазу полного завершения. Разорванные в прошлом административно-территориальными границами среднеазиатские народности воссоединились в своих национальных государственных образованиях. Окончательно сформировались как новые, социалистические нации узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки и др., социалистические народности — язгулемцы, рушанцы, пугнанцы, ваханцы и др.

По переписи 1920 г. в качестве самостоятельных этнических единиц выделяли себя кипчаки, курама, найманы.¹³ Позднее они слились с соседними родственными этносами, войдя в состав узбекской и казахской наций. Таким образом, усилился процесс консолидации родственных в этнокультурном отношении групп. Вместе с тем в подобные общности интегрируются также неродственные группы (например, происходит туркменизация курдов, немцев и уйгуров в Туркмении, уйгуризация группы панфиловских дунган в Казахстане, узбекизация ошской группы дунган в Киргизии и арабов в Узбекистане, киргизация в прошлом монголоязычных сарт-калмаков и т. д.). Поскольку есть давно живущие группы русского, украинского, мордовского, армянского и другого населения, то здесь наблюдаются процессы их интеграции в состав соответствующих наций и народностей Средней Азии и Казахстана. Так, в Узбекской ССР по переписи 1970 г. свыше 500 человек русских назвали узбекский язык родным, свыше 700 человек — другие языки, а в качестве второго языка, которым они свободно владеют, узбекский язык назвали 55,5 тыс. человек, другие языки — 17,7 тыс. человек.¹⁴

В результате этноконсолидационных процессов сформировались из национальных меньшинств новые социалистические народности: белуджи, дунгане, корейцы, уйгуры и др.¹⁵ Среди народов, названных в переписи 1920 г., были кашгарцы (кашгарлыки) и таранчи, которые в 1921 г. при-

¹² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1977.

¹³ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925, с. 12, 13, 17; Шаниязов К. Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию. М., 1964.

¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав. М., 1973, с. 202.

¹⁵ Ионов Ю. В. У корейцев Средней Азии. — Краткие сообщения ИЭ АН СССР, XXXVIII. М., 1963, с. 23—34; Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965; Джарылгасинова Р. Ш. 1) Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 343—349; 2) Некоторые аспекты изучения современной духовной культуры корейцев Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. (май 1976 г.). Душанбе, 1976, с. 284—286; 3) К характеристике современной антропониимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР. — В кн.: Ономастика Средней

няли в качестве единого самоназвания наименование «уйгуры». В процессе развития уйгурского этноса в СССР в их состав вошли также другие выходцы из Восточного Туркестана, например долоны. За годы Советской власти произошел процесс внутренней консолидации уйгурского этноса. Отдельные его группы в ходе многообразных контактов с соседними народами шли по пути этнического сближения с ними; наметились, с одной стороны, тенденции к ассимиляции их, например, узбеками, туркменами, казахами, а с другой — ассимиляция ими, например, небольших групп дунган, казахов.

Расширение и углубление издавна существовавших межэтнических контактов приводит к формированию групп населения с двойным самосознанием. Такие группы есть в каждой республике Средней Азии и Казахстана.¹⁶

Итак, в границах традиционной среднеазиатско-казахстанской историко-этнографической области продолжают развиваться, сближаясь, нации и народности как подразделения советского народа.

Если этнические процессы на уровне этноса в целом можно назвать макроэтническими, то на уровне семьи вполне правомерно их квалифицировать как микроэтнические. Именно семья с ее разновозрастной и разнопоколенной структурой осуществляет преемственную связь и передачу этнокультурных ценностей.

В результате воздействия факторов экономического, общественного и культурного развития коренные изменения произошли во всех сферах семейно-брачных отношений народов советской Средней Азии и Казахстана.

Процессы межнационального сближения нашли отражение прежде всего в росте числа браков между представителями разных по языку, культуре, в том числе конфессиональной принадлежности народов, создании национально смешанных семей. О глубине и широте этого процесса говорит факт фиксации смешанных браков даже в отдаленных селениях.¹⁷ По данным социологического обследования, число национально смешанных браков в Казахстане и Киргизии составляет свыше 10%, т. е. больше, чем в других республиках.¹⁸ Это объясняется тем, что в этих республиках в сельской местности живет больше представителей других национальностей.

Как правило, в смешанных браках в Средней Азии решительно преобладают браки мужчин коренной национальности с женщинами других национальностей. Так, в Ашхабаде среди смешанных такие браки составляют 95%, а браки туркменок с мужчинами нетуркменами — всего около 5%. В Средней Азии и Казахстане в национально смешанных семьях, состоящих из представителей коренной и любой другой нацио-

Азии. М., 1978, с. 203—205; Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969; Сушанло М. Дунгане. Фрунзе, 1971; Решетов А. М. 1) Современные этнические процессы у дунган. — В кн.: Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Ташкент, 1973, с. 78, 79; 2) Современные этнические процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976; Решетов А. М., Седловская А. Н. Влияние межэтнических контактов на антропонию дунган. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 162—164; Tolstova L. S. The ethnic Development of small Nationalities and Ethnic Groups in Soviet Times. (A Case Study of the Central Asian Region). — In: X International Congress of anthropological and ethnographical Sciences. General Problems of Ethnography. Papers by Soviet Researchers. Vol. I. Moscow, 1978, p. 67—69.

¹⁶ См., например: Люшкевич Ф. Д. Особенности этнических и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX—начало XX века). Л., 1976.

¹⁷ Абрамзон С. М. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. — СЭ, 1962, № 3, с. 25.

¹⁸ Терентьева Л. Н. Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях СССР. М., 1974, с. 9, 10. См. там же, табл. 1.

нальности, молодежь при определении своей национальной принадлежности избирает коренную национальность. Так, в Ашхабаде туркменами определили себя 94% молодых людей из туркмено-русских семей и 87.5% — из смешанных (туркмен с представителями других национальностей).¹⁹ В Душанбе до 80% детей из таджикско-русских семей называли себя таджиками.

У народов Средней Азии и Казахстана преобладают семьи многодетные, в сельской местности встречаются даже неразделенные семьи. В таких семьях более стойко сохраняются этнические традиции.

Этноконсолидационные процессы ведут к определенной нивелировке местных семейных обычаев и обрядов, укреплению общесоветских семейно-брачных традиций.²⁰ Как проявление процесса интеграции советского народа следует рассматривать выравнивание среднего брачного возраста: в Средней Азии и Казахстане происходит повышение его. Все больше проявляется тенденция к установлению равенства всех взрослых членов семьи, что связано прежде всего с раскрепощением женщины, которая ныне является активным членом общества.²¹

Вместе с тем здесь сохраняется много «среднеазиатской» специфики. По-прежнему крепки и развиты связи между родственными семьями, причем они у одних народов ближе по отцовской линии, у других — по материнской. Сохраняются также неразделенные семьи, выполняющие важную роль в направлении этнических процессов на микроуровне. Дома, особенно при гостях, сохраняется подчеркнуто уважительное отношение к старикам, со стороны женщин — к мужчинам. Поддерживается традиция регламентации поведения членов семьи при гостях, на свадьбах, похоронах и т. д. Получил широкое распространение обычай во время свадьбы для развлечения гостей приглашать профессиональных артистов (певцов, танцоров, музыкантов) — особенно у таджиков и узбеков, устраивать спортивные соревнования — особенно у казахов, киргизов, туркмен, игры с шутками у дунган и т. д. Хотя по-прежнему обрядность, связанная с жизненным циклом (рождение и воспитание ребенка, свадьба, похороны), является наиболее устойчивой, традиционной, однако и здесь происходят значительные изменения, из которых отметим принципиально важный — отход от религиозной идеологии.

Таким образом, в системе семейно-родственных отношений народов Средней Азии и Казахстана четко выделяются как общие черты, определяемые процессом интеграции всех народов Советского Союза в новую суперэтническую общность — советский народ, так и определенная специфика, базирующаяся на общности культурных традиций этой историко-этнографической области.²²

Современные этнические процессы у народов Средней Азии и Казахстана находят отражение в языковой ситуации, характерной чертой которой является дву- и многоязычие. Языковая политика в СССР исходит из ленинского положения о равноправии всех народов и их языков. По-

¹⁹ Там же, с. 5, 6. См. там же, табл. 2 и 3.

²⁰ См., например: Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975.

²¹ Проблема полного освобождения женщин имеет для этнического развития народов Средней Азии и Казахстана исключительно важное значение. См.: Каррыева Р. Раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана. Ашхабад, 1972; Аминова Р. Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент, 1975; Освобожденная женщина Советского Востока. Ашхабад, 1972; Женщины страны Советов. М., 1977; Национальный аспект решения женского вопроса в СССР. Ташкент, 1978.

²² Умурзакова О. П. Советский образ жизни и его закрепление в Новой Конституции СССР. — Общественные науки в Узбекистане, 1978, № 1; Хыдыров Т. Интернационализм социалистического образа жизни и критика домыслов антикоммунистов о национальных отношениях в СССР. — Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук, 1979, № 3.

казателем развития национальных языков является создание письменности и сети школ с преподаванием на этих языках.

Данные переписи 1970 г. показывают, что национальные языки успешно развиваются.²³ Крупной победой культурной революции в Средней Азии и Казахстане, как и во всей стране, следует считать ликвидацию неграмотности. А ведь перед революцией общая грамотность здесь не превышала 2%! На территории Киргизии и Таджикистана книги и газеты вообще не издавались. В наше время они печатаются миллионными тиражами, существует широкая сеть школ с правом выбора языка обучения, высших учебных заведений с преподаванием на языке коренной национальности и на русском языке, созданы и успешно функционируют во всех республиках академии наук.²⁴

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, характеризуя достижения в области социально-экономического развития народов Советского Востока, также отмечал: «Не менее разительны итоги культурного развития Казахстана и среднеазиатских республик. Практически они достигли уровня стопроцентной грамотности. Почти половина населения каждой из них — это люди с высшим и средним (полным и неполным) образованием. В одной Узбекской ССР работает сейчас больше специалистов с высшим и средним специальным образованием, чем в народном хозяйстве всего Советского Союза в конце 20-х годов. Родилась и прочно встала на ноги большая наука — в республиканских академиях плодотворно трудятся многие тысячи ученых».²⁵

Знание родного языка в республиках Советского Востока составляет от 92,3 до 99%. Одновременно значительное распространение получает русский язык: им свободно владеют 14,5% узбеков, 15,4% таджиков и туркмен, 19,1% киргизов.²⁶ Можно утверждать, что в той или иной мере практически все владеют русским языком, понимают его. Русский язык как язык межнационального общения получает все более широкое распространение.²⁷

Значение родных и русского языка в жизни нашего общества точно определено Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым в его приветствии участникам Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР»:

«В результате последовательного осуществления ленинской национальной политики, — говорится в приветствии, — идет плодотворный процесс развития культуры, науки, народного образования во всех союзных и автономных республиках, автономных областях и округах страны. Важнейшую роль в этом играют языки всех наций и народностей СССР. Развиваясь равноправно и свободно, взаимообогащая друг друга, они служат прогрессу национальных культур, объединенных нерушимой общностью социалистического содержания.

В условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — советский народ, объективно возрастает роль

²³ Подробнее см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 202, 232, 284, 295, 306.

²⁴ Сумбатзаде А. С. Великий Октябрь и успехи народов Советского Востока. — Вопросы истории, 1977, № 10, с. 51.

²⁵ Брежнев Л. И. О пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 15.

²⁶ Брук С. И., Губогло М. Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов советского общества на современном этапе. — История СССР, 1974, № 4, с. 40, 44.

²⁷ Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977; Назаров О. Новая конституция о равноправии языков. — Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук, 1978, № 3; Рашидов Ш. Р. Язык нашего единства и сотрудничества. М., 1979.

русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека. Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа».²⁸

Литература в республиках Средней Азии и Казахстана создается прежде всего на языках больших и малых народов, живущих в этом регионе.²⁹ Есть немало национальных писателей, которые пишут на русском языке. Есть также писатели, которые пишут на языке коренной национальности. Все это говорит о специфике этнолингвистической ситуации. Важная роль в развитии культуры принадлежит местной интеллигенции, выросшей за годы Советской власти и ныне оказывающей громадное воздействие на этнокультурное развитие народов этого региона.³⁰

Духовная культура ныне играет особо важную роль в жизни современных народов,³¹ так как теперь этническая специфика наиболее ярко проявляется именно в этой сфере и в самосознании. У народов Средней Азии и Казахстана успешно развивается национальная культура, интернациональная по духу. «Интернационализация, — отмечают авторы статьи о тенденции этнических процессов в СССР, — происходящая в сфере культурной жизни нашей страны, означает прежде всего процесс складывания единой по своему социалистическому содержанию культуры».³² Профессиональные формы культуры ныне выполняют активную роль в создании однотипной общесоюзной культуры,³³ причем в Средней Азии и Казахстане в процессе контактов создан свой, специфический комплекс профессиональной культуры, базирующийся на общих старых традициях.

Таким образом, для народов Советской Средней Азии и Казахстана, входящих в одну историко-этнографическую область, характерны, с одной стороны, процессы внутренней консолидации социалистических наций и народностей, с другой — здесь все более усиливается региональная межэтническая консолидация и интеграция как проявление процесса формирования и развития новой исторической общности людей — советского народа.³⁴

²⁸ Правда, 1979, 23 мая.

²⁹ О развитии национальных литератур у народов Средней Азии и Казахстана подробнее см.: История многонациональной советской литературы, т. 1 — М., 1970—1974.

³⁰ Подробнее см.: Гулямова М. Из истории формирования узбекской социалистической интеллигенции. Ташкент, 1963; Соктоев М. А. Партийное руководство формированием советской интеллигенции в Киргизии. Фрунзе, 1969; Валиев А. К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. Ташкент, 1966; Дурдыев Т. 1) Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции. Ашхабад, 1972; 2) Изменения в численности и составе интеллигенции Средней Азии и Казахстана на современном этапе. — История СССР, 1980, № 1, с. 154—164; Тастанов Ш. Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов. Алма-Ата, 1975.

³¹ О развитии искусства у народов Средней Азии и Казахстана в советское время подробнее см.: История искусства народов СССР, т. VII. М., 1972; т. VIII. М., 1977; Кайдалова О. Н. Традиции и современность: театральное искусство Средней Азии и Казахстана. М., 1977; Эльяс Н. И. Балет народов СССР. М., 1978.

³² Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — СЭ, 1970, № 1, с. 41.

³³ Арутюнян Ю. В. Изучение культурного взаимодействия народов СССР. М., 1973, с. 9.

³⁴ Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975; Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности. — Вопросы истории, 1979, № 4, с. 3—23; Смирнов А. С. Советский народ и социалистические нации как его составные части. М., 1971. — О сближении этносов, живущих в одном регионе, подробнее см.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 371—375.

Самосознание народов Средней Азии и Казахстана за советский период значительно видоизменилось: ослабевают представления о принадлежности к локальным подразделениям и усиливаются представления о принадлежности к этническим и суперэтническим общностям; ослабевают представления об узорегиональной принадлежности и растут представления о принадлежности к общностям, сформировавшимся в границах административно-территориальных единиц и историко-этнографической области. Таким образом, самосознание современных народов Средней Азии и Казахстана в известной мере является многоступенчатым, плюралистическим: они еще относят себя к определенным локальным группам (например, кашгарлыки и таранчи — у уйгуров, шэньсийцы и ганьсуйцы — у дунган, дурмен, курама, каратаган, сарт и др. — у узбеков и т. д.); утвердилось единое представление о своей национальной принадлежности — казах, киргиз, кореец, узбек, уйгур, дунганин и т. д.; сформировалась и четко осознается принадлежность к новой исторической общности людей — советский человек, советские люди.

Складывание этой принципиально новой общности людей произошло как результат ликвидации былой вековой отсталости разных народов, ликвидации эксплуататорских классов на основе прочного союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, при стирании классовых различий и формировании социальной однородности общества в период развитого социализма.³⁵ Эта историческая общность характеризуется единой советской интернациональной культурой, единым общесоветским самосознанием, патриотизмом. Эти процессы нашли свое отражение в новой Конституции СССР. Отмечая большое значение этого процесса, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отмечал: «Важным признаком развитого социализма в нашей стране, показателем растущей однородности советского общества, торжеством национальной политики КПСС стало **образование исторически новой социальной и интернациональной общности — советского народа**. Это означает, что решающее значение у нас постепенно приобретают общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения советских людей».³⁶

Опыт решения национального вопроса в СССР, в частности в Средней Азии и Казахстане, имеет громадное международное значение. Оно особенно возрастает в наши дни для молодых государств, недавно сбросивших иго колониализма и ставших на путь самостоятельного национального развития. В этих странах национальный вопрос стоит как одна из самых острых и злободневных проблем. Этнические структуры в них, как правило, очень сложны, и полиэтничность ставит задачу выбора пути дальнейшего развития как крупных наций и народностей, так и национальных меньшинств и этнографических групп. Поэтому совершенно закономерно, что в опыте СССР, где социализм открыл перед ранее отсталыми народами безграничные просторы национального развития, развивающиеся страны ищут ответ на волнующие их вопросы.³⁷

³⁵ Усубалиев Т. У. Дружба народов — наше бесценное завоевание. М., 1977; Шистер Г. А. Изменение социальной структуры многонационального рабочего класса Узбекистана. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 93—107; Развитие и сближение советских наций. Проблемы управления. Алма-Ата, 1978; Тавадов Г. Т. Фактическое равенство народов СССР — великое завоевание социализма. — Вестник МГУ. Серия 12. Теория науч. коммунизма, 1979, № 3; Национальные отношения в СССР на современном этапе. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. М., 1979; Республики Средней Азии в период развитого социализма. М., 1980.

³⁶ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму. — Коммунист, 1977, № 17, с. 6.

³⁷ См., например: Сануси А. А. Исторический опыт разрешения национального вопроса в СССР и его значение для развивающихся стран Африки. М., 1972;

Изучение и обобщение опыта решения национального вопроса, этнонационального развития народов в нашей стране, показа его международного значения ныне является особенно актуальным, если учесть, что за рубежом в буржуазной науке имеются довольно многочисленные попытки дискредитации и фальсификации его.³⁸

В последние годы интерес в зарубежной науке к изучению национальных отношений в СССР, особенно к этнонациональному развитию народов среднеазиатского региона, резко возрос: создаются специальные научные центры, проводятся многочисленные симпозиумы, издается все возрастающими тиражами большое количество специальной литературы. Так, Уэйн С. Вукинич из Станфордского университета (США) признает, что за последний период на Западе все больше растет осознание важности изучения нерусских народов в Советском Союзе. «Ученые начинают изучать эти народы как отдельные национальности и в более широком контексте советской истории и политики».³⁹

Ныне на Западе уже не решаются отрицать успехи в развитии народов Средней Азии и Казахстана, тем не менее пытаются отыскать рост национализма, противоречия между местным населением и русскими.⁴⁰ Так, Р. Пайпс бьет тревогу в связи с тем, что процент русского населения в ряде союзных республик СССР, в том числе в Средней Азии и Казахстане, растёт; Д. Карлис и Т. Раковска-Хармстоун твердят о наличии национализма у среднеазиатских народов, хотя и не уверены в его характере и силе;⁴¹ Б. Хайит договаривается до того, что Казахстан и Средняя Азия в СССР якобы подвергаются экономической эксплуатации.⁴²

Для развивающихся стран современного мира важен советский опыт, ибо он на практике доказал, как отсталые в прошлом народы добились выдающихся результатов во всех областях своего развития.⁴³ Именно поэтому изучение этноконсолидационных процессов у народов СССР, становление и развитие советского народа как новой исторической общности в современной международной обстановке также имеет принципиально важное значение.

Кулиев К. Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран. Ашхабад, 1974; Sedlovskaya A. N. The Influence of Industrialization and Urbanization of Ethnic Processes among smaller Peoples of India and Soviet Central Asia. — In: X International Congress of anthropological and ethnographical Studies. General Problems of Anthropology and Ethnography of the Soviet Asia. Papers by Soviet Researchers. Moscow, 1978, p. 155—164.

³⁸ См. об этом: Рзаев Д. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока. (Критика антикоммунизма в национальном вопросе). Фрунзе, 1968; Хидоятов Г. А. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Иноятов Х. Ш. Ленинская национальная политика в действии. (Ответ идеологам антикоммунизма, извращающим исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и Казахстана). Ташкент, 1973; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. (Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана). Ташкент, 1975; Инамджанова Г. З. Национальная государственность Узбекистана и ее фальсификаторы. Ташкент, 1977; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977; Хидоятов Г. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Киселев Д. С., Халмурадов И. Новая Конституция и правовые положения союзных республик (Некоторые аспекты критики буржуазных фальсификаторов). — Изв. АН ТуркмССР. Серия общ. наук, 1978, № 6; Касымов Ф. К. Борьба советских историков против буржуазной фальсификации опыта строительства социализма в Средней Азии (к историографии вопроса). — Общественные науки в Узбекистане, 1979, № 6.

³⁹ Vucinich W. S. Ред. на: Handbook of major Soviet nationalities. Eds. Z. Katz, R. Rogers, F. Harned. — The Russian Review, 1976, vol. 35, N 2, p. 212.

⁴⁰ Sheehy A. Equality of nationalities in the USSR: the of Central Asia. — Mizan, London, 1969, vol. XI, N 3, p. 139—151.

⁴¹ Подробнее см.: Handbook of major Soviet nationalities. Eds. Z. Katz, R. Rogers, F. Harned. New York, 1975.

⁴² Hayit B. Turkestan zwischen Russland und China. Amsterdam, 1971, s. 349 f.

⁴³ Грызлов В. Ф. Торжество ленинской национальной политики в СССР и вымыслы идеологов антикоммунизма. — Вестник МГУ. Сер. 12. Теория науч. коммунизма, 1979, № 3.

**АРЕАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЯЗЫКОЗНАНИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**ЯЗЫК
И ЭТНОС**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ

(язык и этнос)

Сборник научных трудов

Ответственный редактор

Н. И. Толстой

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1983

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА

Изучение процессов формирования и развития языков, оценка критериев соотносимости языка и этноса, определение языковой и этнической принадлежности является актуальной задачей языковедов и этнографов. В этой связи важным представляется рассмотрение конкретных случаев, способствующих решению проблемы в целом. Наблюдение над процессами изменения этнолингвистической ситуации, ее динамикой может пролить свет на выявление закономерностей развития этноса и его языка. Очевидно, здесь должен быть проявлен как историко-филологический, так и историко-этнографический подход, т. е. проблема должна рассматриваться прежде всего в определенной исторической перспективе, с исторических позиций. Одновременное сопоставление лингвистических и историко-этнографических данных на разных исторических отрезках времени может в данном случае дать положительный эффект.

Плодотворным также должен явиться учет территориально-географического и социально-политического факторов, которые особенно проявляются в ситуации развития «языковых островов». Под языковым островом «понимается маргинальная область распространения языка, отделенная от ареала своего ядра территориально-политической границей и находящаяся в пределах других политических границ в иноязычном окружении».¹ Если при этом рассматривать не только маргинальную языковую единицу, но и этническую группу, говорящую на данном языке и оказавшуюся, как и язык, вне контактов с этнической доминантой в маргинальном положении, в иноэтническом окружении, то правильнее было бы говорить об «этно-языковом острове» — маргинальной этноязыковой группе, что способствовало бы комплексному, более всестороннему и углубленному рассмотрению проблемы.

Живым примером такого этно-языкового острова могли бы служить дунгане — одна из малых социалистических наций, проживающих на территории Советской Средней Азии и Казахстана.² По новейшим данным переписи 17 января 1979 г., здесь

¹ Домашнев А. И. «Языковый остров» как тип ареала и объект лингвистического исследования. — В кн.: Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Краткие сообщения. Л., 1978, с. 22—23.

² Подробнее о них см.: Стратанович Г. Г. Дунгане. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963, с. 527—563; Шинло Л. Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965; Очерки истории советских дунган. Фрунзе, 1967; Сушанло М. Дунгане. Фрунзе, 1971; Крюков М. В., Решетов А. М. Поездка к дунганам. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971, с. 173—177; Решетов А. М. Современные этнические процессы у дунган. — В кн.: Всес. археол.-этногр. совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тез. докл. и сообщ. по этнографии. Ташкент, 1973, с. 78—79.

проживало свыше 52 тыс. чел. дунган.³ Живут они небольшими, но компактными группами, как правило, довольно далеко отстоящими друг от друга, в частности на территории Киргизской ССР — 27 тыс. и Казахской ССР — 22 тыс. человек.⁴

Дунгане — потомки хуэй, переселившихся в эти районы преимущественно в 70—80-е годы XIX в. Хуэй до сих пор живут в Китае и являются одним из крупных этно-конфессиональных образований в структуре населения страны.⁵ По оценочным данным на 1978 г., их насчитывалось 5 850 тыс.⁶ Хуэй исключительно широко расселены по всему Китаю: нет ни одной провинции, где не было бы хотя бы небольшой по численности общины хуэй, особенно в городах. Различные территориальные группы их по своему происхождению весьма неоднородны, и в науке нет единой точки зрения по этому вопросу.⁷ Термин «хуэй» связан с их принадлежностью к исламу: так по-китайски называется эта религия.

Хуэй говорят на различных диалектах и говорах ханьского (китайского) языка в зависимости от места их проживания: основная их масса, живущая в северо-западном районе страны, — на соответствующих говорах северного диалекта — нинсяском, ганьсуйском, шэньсийском и т. д., живущие в Пекине — по-пекински, в провинции Юньнань — на юньнаньском говоре того же северного диалекта; в провинции Гуандун — на диалекте юэ, в Шанхае — на диалекте у, в провинции Фуцзянь — на различных говорах северо- и южноминьских диалектов и т. д. Более того, известно, что хуэй, живущие среди других народов Китая, говорят на их языках: так, их общины, живущие среди бай в провинции Юньнань, говорят на языке бай, входящем в тибето-бирманскую языковую группу, а среди тай — на соответствующих диалектах этого языка, входящего в тайскую языковую семью.⁸

³ Брук С. И. Население мира. Этно-демографический справочник. М., 1981, с. 208.

⁴ Там же, с. 210, 211.

⁵ Подробнее о хуэй см.: Краткие сведения о малых народах Китая. Пекин, 1958, с. 12—15. (На кит. яз.); Мизин О. А. Китайская литература о дунганах. — В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1980 (Тр. Ин-та истории, археол. и этногр. АН КазССР, т. 8), с. 219—224; Стратанович Г. Г. Хуэй. — В кн.: Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965, с. 419—433; Москалев А. А. Гунань-чуанский и Нинся-хуэйский автономные районы КНР. М., 1979; Ma Yuhua i. The Hui people of Ninghsia. — China reconstructs, 1964, vol. XIII, p. 37—40; Israeli R. Muslims in China. A study in cultural confrontation. (Scand. Inst. Asian Stud. Monograph, 1978, № 29).

⁶ Брук С. И. Население мира, с. 459.

⁷ Подробнее об этом см.: Линь Гань. Об этногенезе дунган. — СЭ, 1954, № 1, с. 42—52; Стратанович Г. Г. Вопрос о происхождении дунган в России и советской литературе (краткая справка). — Там же, с. 52—56; Решетов А. М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 137—149; Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган. — СЭ, 1978, № 2, с. 95—99.

⁸ Сердюченко Г. П. К вопросу о классификации народов и языков Китая. — Сов. востоковедение, 1957, № 4, с. 118; Бай Шоуи. Формирование и развитие хуэй. — Синь цзяньшэ, Пекин, 1957, № 11, с. 35.

Очевидно, это положение связано с этногенезом каждой отдельной группы: она формировалась на местной этнолингвистической основе с обязательным включением посетителей ислама — арабов, иранцев и др., выполнявших роль этнокультурного суперстата. При этом всегда сохранялся язык субстратного компонента. Акад. В. В. Бартольд, высказывавшийся по проблемам этнической истории дунган и признававший ее весьма сложной, требующей для своего решения целого ряда точных данных, отмечал, что «иногда *мусульманская пропаганда* (курсив мой, — А. Р.) распространялась только на инородцев. . . , не на природных китайцев».⁹

Что касается основной, китаеязычной массы хуэй, то она никогда не говорила ни на каком другом языке, кроме ханьского (китайского).¹⁰ Во всяком случае наукой не выявлен ни один иноязычный памятник, созданный хуэй.¹¹ Как уже отмечалось

⁹ Бартольд В. В. Соч., т. V. М., 1968, с. 336.

¹⁰ Есть только одно известное мне высказывание у В. В. Бартольда, позаимствованное им у Дабри де Тьерсана, что один китайский император отмечал наличие у шэньцзинских хуэй в 1731 г. иного, нежели ханьский, язык (см.: Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 335, 336). Учитывая громадные различия между так называемыми диалектами ханьского языка, можно предположить, что император из Пекина не понял речь мусульманина, встреченного им в Шэньси. К стати, не исключено, что это могли быть и недавно прибывшие и даже, может быть, временно поселившиеся там мусульманские иностранные проповедники или торговцы. Благодаря содействию С. Е. Яхонтова мне стала известна, пожалуй, единственная статья на ханьском языке, где упоминается дунганский язык: Лю Чжуншэн признает, что хань и дунгане (так в Синьцзяне называют хуэй, как поясняет он) говорят на синьцзянском диалекте ханьского языка, что произношение (чтение иероглифов) в ханьском и дунганском (хуэйском) языках чрезвычайно близко и почти невозможно обнаружить эти различия. Приводимые им примеры в сопоставительных таблицах касаются только фонетики, однако нет доказательств того, что речь идет о дунганском языке, а не о диалекте или говоре ханьского языка определенного региона. Для рассмотрения специфики дунганского языка сторонники точки зрения, утверждающей существование такого языка, должны были бы привлечь материал по языку коренных в данном районе хань и хуэй и показать, что, несмотря на многовековое проживание тех и других здесь, они сохранили свою языковую специфику. Пользуюсь случаем поблагодарить С. Е. Яхонтова за помощь.

¹¹ Поэтому неправильными являются утверждения некоторых ученых о наличии дунганского языка в Китае; см.: Реформатский А. А. Введение в общее языкознание. М., 1955, с. 355; Пермьяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979, с. 640, 653; см.: Решетов А. М. Рец. на кн.: Дунганские народные сказки и предания. — Народы Азии и Африки, М., 1980, № 6, с. 205. Мне до сих пор не известно ни одной работы, включая статьи на иностранных языках, в том числе ханьском, посвященной анализу дунганского языка в Китае. Есть только бездоказательные утверждения о дунганском диалекте китайского языка или даже о дунганском языке. Так, А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов писали о дунганском диалекте, приводя единственный пример его: *чи дуца* — «есть в живот». Однако это выражение бытует вообще на северо-западе у хань и отнюдь не

выше, в наше время и, как зафиксировано в источниках и литературе, во все времена хуэй говорили только на разных наречиях, говорах и диалектах ханьского языка.¹² И если язык объединял их с ханьцами, то религия резко противопоставляла обе группы, хотя по целому ряду причин это более остро ощущали хуэй, чем хань.

Хуэй как этно-конфессиональная группа подвергалась со стороны хань дискриминации, притеснениям. Поэтому естественно, что хуэй наряду с беднейшими слоями других народов, включая и хань, выступали против феодального угнетения. Хуэй, в частности, играли заметную роль в антифеодальной борьбе народов северо-западного Китая во второй половине XIX в. После разгрома наиболее крупного их выступления в 1877—1878 гг. на территорию Русской Средней Азии и Казахстана перешла и широко расселилась группа дунган общей численностью примерно 6 тыс. чел. В начале 80-х годов XIX в. в связи с передачей Илийского края русскими властями маньчжуро-цинской династии в российское подданство перешло еще около 4700 дунган.¹³

Таким образом, в начале последней четверти XIX в. дисперсными, но компактными группами на обширной территории Казахстана и Средней Азии поселилось около 11 тыс. хуэй — выходцев из северо-западных провинций Китая. Это были бедняки, бежавшие от гнета ханьских и других феодалов; естественно, что они были неграмотны. И если в Китае хуэй пользовались (и до сих пор пользуются) ханьской иероглифической письменностью, то в новых условиях они стали бесписьменным народом. Говорили они преимущественно на ганьсуйском и шэньсийском говорах северного диалекта ханьского языка.

Отрезанность новой переселившейся группы хуэй от основного своего массива, закреплённая государственно-политической границей, наличие отличного от прежнего иноэтнического и иноязычного окружения, утрата письменной традиции уже сразу создали принципиально новую ситуацию в направлении процессов ее

является даже специфически дунганским выражением (см.: И в а н о в А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. — Тр. Ин-та востоковедения им. Н. Н. Нариманова, М., 1930, т. 15, с. 9, 14). О взаимодействии уйгурского языка в Синьцзяне с дунганским и китайским языками писал, не приводя ни одного примера, Н. А. Баскаков (см.: Б а с к а к о в Н. А. Ареалы и маргинальные зоны в развитии тюркских языков. — В кн.: Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978, с. 39). Г. Г. Стратанович утверждал даже, что «язык хуэй (имеются в виду их компактные северные группы, — А. Р.) входит в китайско-хуэйскую ветвь китайско-тибетской семьи языков. Локальные группы хуэй по языку близки к окружающему их китайскому населению» (см. в кн.: Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965, с. 419).

¹² В данной статье намеренно нигде не затрагивается вопрос о степени единства ханьского языка.

¹³ Подробнее об этом см.: Ю с у р о в Х. Ю. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961; С у ш а н л о М. Борьба дунган против Цинской династии и переселения их в Киргизию и Казахстан. — В кн.: Дунгановедение. Труды по востоковедению. V. Тарту, 1979 (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, вып. 507), с. 22—26.

этнолингвистического развития. Именно теперь она оказалась на положении этнолингвистического острова, на развитие которого влияли прежде всего совсем другие факторы, нежели на основной, теперь уже зарубежный массив хуэй.

Первое время после своего переселения на новые места эта группа хуэй в русской литературе называлась «китайскими мусульманами», соседние тюркские народы называли их *дунган* или *тунган*, позднее именно первое стало общепринятым наименованием ее. Сами себя они называют *лохуйхуй*, хотя это название бытует преимущественно при объяснении на их языке. Но даже сами себя, представляясь по национальной принадлежности на других языках, они именуют дунганами. Именно этот этноним фиксируется во всей официальной документации (перепись, паспорт и т. д.). Вполне правильным будет вывод, что этноним «дунгане» по существу стал вторым самоназванием этой группы, а при внешнем общении не только первым, но даже единственным. Как хорошо известно каждому синологу, этноним «дунганин» совсем неизвестен в основных ханьских районах.¹⁴ Таким образом, можно констатировать, что произошли определенные изменения в самосознании, их этнической ориентации, идентификации.

В конце XIX—начале XX в. о языке российских китайских мусульман писали как о китайском. Из числа дунган, перешедших из Илийского края и принявших русское подданство, приглашались преподаватели китайского (ханьского) языка на факультет восточных языков столичного университета в Петербурге.¹⁵

Термин «дунганский язык» стал появляться в русской научной литературе только в 20-е годы нашего века, и относился он к языку одного из малых народов Советского Союза, потомков хуэй, теперь известных под названием «дунгане». Впервые глубоко научную базу под это определение подвели советские лингвисты А. и Е. Драгуновы в своей специальной работе, где они, в частности, прямо писали: «Под термином „дунганский язык“ мы понимаем язык одной из многочисленных национальностей Советского Союза, так называемых дунган, потомков китайских мусульман, выходцев из провинций Ганьсу и Шэньси. . . В основе дунганского языка лежат, как известно, китайские говоры провинций Ганьсу и Шэньси. . . Единственное, с чем мы можем в настоящее время дунганский язык сопоставить, это с северным разговорным китайским языком, фонетическая и грамматическая структуры которого более или менее хорошо известны. Сопоставление *этих двух языков* (курсив мой, — А. Р.) очень поучительно, так как показывает нам, что расхождение между ними отнюдь не ограничивается областью словаря — наличием в дунганском языке большого числа тюркских, а после Октябрьской революции и

¹⁴ Он встречается в Синьцзян-уйгурском автономном районе у тюркоязычного населения — уйгуров, узбеков, татар и т. д.

¹⁵ Бартольд В. В. Соч., т. IX. М., 1977, с. 188.

русских словарных заимствований, а идет гораздо глубже. Оно затрагивает и фонетическую, и грамматическую систему этих языков и дает поэтому право рассматривать язык советских дунган не как один из диалектических вариантов языка китайского, а как самостоятельную лингвистическую величину, качественно от него отличную» (курсив мой, — А. Р.).¹⁶

Таким образом, уже в середине 30-х годов нашего века дунганский язык — язык советских дунган, потомков хуэйских переселенцев, был квалифицирован как самостоятельная лингвистическая единица. Знаменательно, что этот вывод принадлежит выдающемуся лингвисту-синологу А. А. Драгунову. Им совместно с его соавтором Е. Н. Драгуновой рассмотрены фонетические и грамматические, т. е. лингвистические особенности дунганского языка. Естественно, что за период после 30-х годов произошло дальнейшее становление, укрепление и развитие дунганского языка как самостоятельной языковой единицы, генетически восходящей к ханьскому языку, поныне являющемуся в типологическом отношении однопорядковой с ним величиной.

Живой разговорный язык дунган находился и находится в состоянии непрерывного изменения и постоянного обогащения. Большую роль в этом процессе играло, играет и, несомненно, во все возрастающем объеме будет играть двуязычие, а чаще многоязычие дунган. В новом ареале, как отмечалось, дунгане живут преимущественно среди киргизов, казахов, узбеков, уйгуров, русских, корейцев, татар и вот уже свыше ста лет находятся с ними в широких, постоянных контактах.¹⁷ Исследователи отмечают, помимо старого слоя заимствований — арабских и иранских, также новый — киргизских, казахских, узбекских, татарских, уйгурских, русских, корейских и др. Таким образом, произошло известное изменение словаря, коснувшееся разных частей речи: существительных, числительных, наречий и даже глаголов, хотя последних и в меньшей степени. Заимствования особенно широко встречаются в речи молодежи, особенно учащейся, и постепенно закрепляются и в речи старшего поколения. Происшедшие изменения отмечают исследователями и в области

¹⁶ Драгуновы А. и Е. Дунганский язык. — Зап. Ин-та востоковедения Академии наук СССР, М.; Л., 1937, VI, с. 117, 118. Как известно, А. А. Драгунову принадлежит выдающаяся роль в становлении и развитии научной дисциплины — дунгановедения. Об этом см., в частности: Калымов А. А. А. Драгунов — основоположник дунганского языкознания. — В кн.: Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980, с. 121—126. Публикации работ А. А. Драгунова на иностранных языках за рубежом положили начало мировому дунгановедению.

¹⁷ Решетов А. М. 1) Современные этнические процессы у дунган; 2) Современные этнические процессы у уйгуров и дунган Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Тез. докл. Всес. конф., посвящ. этногр. изучению современности. М.; Нальчик, 1975, с. 55—57; 3) Этноконсолидационные процессы в советской Средней Азии и Казахстане. — В кн.: Этногр. аспекты изучения современности. Л., 1980, с. 74—84.

грамматики, и особенно фонетики.¹⁸ Дунгановедение стало в нашей стране настоящей наукой.¹⁹

В последние годы к изучению дунганского языка обратились и некоторые зарубежные исследователи. Наиболее систематически публикует работы по дунганам и их языку Светлана Дайер (Римская-Корсакова).²⁰ Ряд работ опубликовали Мантаро Хашимото,²¹ Пауль Уэкслер²² и молодой исследователь Олли Салми.²³ Пожалуй, все иностранные авторы, за исключением С. Дайер, склонны рассматривать язык советских дунган как самостоятельную языковую единицу. Австралийская исследовательница, с моей точки зрения, недооценивает самостоятельное развитие дунганского языка как языкового острова за последние сто с лишним лет, которое привело к существенным изменениям в лексике, фонетике и грамматике, как это показано в работах советских ученых, прежде всего в фундаментальной работе А. А. Драгунова.

В советское время через русский язык широко входит в дунганский язык интернациональная лексика: *радио, телефон, кино, почта, магнитофон, телевизор, аккумулятор, пальто, машина, автобус, троллейбус, трактор, метро, баллон и т. д.* Язык дунган развивается здесь вне связи с китайским языком, без сковывающего влияния иероглифической письменности, что чаще всего находит отражение в фонетике.

¹⁸ Помимо работ А. А. Драгунова (список их см. в статье А. Калимова), следует назвать следующие: По л и в а н о в Е. Д. 1) Главнейшие особенности дунганского языка. Рукопись. Хранится в Архиве АН КиргССР, Фрунзе; 2) Музыкальное слогуударение или «тоны» дунганского языка. — В сб.: *Вопр. орфографии дунганского языка*. Фрунзе, 1937; К а л и м о в А. Дунганский язык. — В кн.: *Языки народов СССР*. Т. V. Л., 1968, с. 475—488; Ц у н в а з о Ю. 1) К вопросу о способах словообразования в дунганском языке. — Изв. АН КазССР, сер. филологии и искусствоведения, Алма-Ата, 1955, вып. 3—4, с. 74—88; 2) Заметки о некоторых модификаторах в дунганском языке. — В кн.: *Мат. по общей тюркологии и дунгановедению*. Фрунзе, 1964, с. 63—75; З а в ъ я л о в а О. И. Тоны в дунганском языке. — *Народы Азии и Африки*, 1973, № 3, с. 109—119; N u r m e k u n d P. *Ausgewählte Kapitel der dunganischen Sprachgeschichte*. — В кн.: *Дунгановедение. Труды по востоковедению*, V. Тарту, 1979 (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, № 507), с. 5—21. Значительный интерес представляют также работы Х. Бугазова, А. Мансузы, М. Имазова, А. Н. Баранова и др.

¹⁹ К а р а к е е в К. К. Успехи советского дунгановедения. — *История СССР*, 1968, № 5, с. 180—181; *Дунгановедение*. . . , V.

²⁰ R i m s k y - K o r s a k o f f S. *Soviet Dungan: the chinese language of Central Asia. Alphabet, phonology, morphology*. — *Monumenta Serica*, 1967, vol. XXVI, p. 352—421; R i m s k y - K o r s a k o f f D y e r S. 1) *Soviet Dungan kolkhozes in the Kirghiz SSR and the Kazakh SSR*. — *Oriental Monograph Series*, Canberra, 1979, № 25; 2) *Soviet Dungan nationalism: a few comments on their origin and language*. — *Monumenta Serica*, 1977—1978, vol. XXXIII, p. 349—362.

²¹ H a s h i m o t o M. J. *Current development in Zhunyanese (Soviet Dunganese)*. — *J. chinese linguistics*, 1978, vol. 6, № 2, p. 243—267.

²² W e x l e r P. *Zhunyane (Dungan) as an islamic and soviet language*. — *J. chinese linguistics*, 1980, vol. 8, № 2, p. 294—304.

²³ S a l m i Olli. *Tone and stress in Soviet Dungan*. — *Puheentutkimuksen Alalta. Papers in speech research*. 2. Publ. Inst. finnish language and communication, Yuväskylä, 1980 (Univ. Yuväskylä, 19), p. 90—105.

Процессы этнокультурных взаимосвязей с соседними народами нашли отражение в новой лексике: *раис* ('председатель'), *тошлин* ('сосед'), *маштурда*, *машикичири* (еда из маша), *нон* ('хлеб'), *чапан* ('пиджак'); *холодильник*, *спутник*, *костюм*, *туфли*, *борщ*, *индюк*, *помидор*, *вино*, *квас*, *морс*, *пластинка*, *театр*, *эстрада*, *балет*, *выключатель*, *зарядка*, *ток*, *газета*, *журнал* — из русского; *бешбармак* (лапша с мясом), *майли* — ('ладно', 'добро') — из казахского; *пончи* (палка для битья одежды при стирке) — из корейского и т. д. Конечно, заимствования нередко претерпевают изменения под влиянием специфики дунганской фонетики, лингвистического мышления. Например, дунганин скажет: *Ама ноли варина* ('Мама сварила варенье'); *Во хазр лэй ни* ('Я сейчас приду'); *Та уже чили* ('Он уже поел'); *Ни ги Арса звонил мо?* ('Ты звонил Арсе?'); *Нгэ ба Мага критиковал* ('Я критиковал Магу'); *Асмо ам цин!* ('Какое чистое небо!') и т. д. По-прежнему сохраняются слова *изы* ('стул'), *пузы* ('магазин'), но заимствованы *кресло*, *универмаг*. Раньше, когда мужчины еще носили традиционные широкие штаны — *кузы* (брюки), которые можно было купить в магазине, их называли *урус кузы*. Теперь ушла в прошлое дунганская мужская традиционная одежда, и мужские штаны любого фасона называются старым термином *кузы*. У дунган по-прежнему сохраняется низкий столик для еды — *чжозы*, поэтому стол на длинных ножках называют *го чжо* — 'высокий стол'. Параллельно употребляют такие слова, как *стиральная машина*, *почтальон* и *сишшан машинэ* ('машина, которая стирает одежду') и *сунсиньди жын* ('человек, доставляющий письмо'). С пивом дунгане познакомились уже в Средней Азии, поэтому это слово заимствовали без изменений, но сохранилось старое слово *цзю* для водки. Естественно, что дунгане издавна знают хлебные изделия, но заимствованный у узбеков хлеб отличается от их собственного, его называли *нон му* (*нон* — узбекская лепешка, *му* — дунганское хлебное изделие).²⁴

Заимствований больше в речи городских или получивших высшее образование дунган, чем живущих в сельской местности.

Процесс развития дунганской лексики отражен в многочисленных русско-дунганских и дунганско-русских словарях, в создании которых особенно велика роль ветерана дунганской науки Ю. Я. Яншансина, а также Ю. Цунвазо, М. Хасанова, Л. Шинло, Ф. Макеевой. И. Юсупова, Я. Хавазова, М. Сушанло и др.²⁵

Важным моментом в формировании дунганского языка как самостоятельной единицы явились работы по созданию дунганской письменности, начавшиеся уже в конце 20-х годов нашего века. В качестве ее основы была принята латинская графика. В 1929 г. вышли первые буквари и первые книги на дунганском языке. В 1930 г. стала выходить дунганская газета. Дунганский литера-

²⁴ Слова записаны в разных районах расселения советских дунган. Вполне вероятно, что некоторые из них распространены только в определенных регионах.

²⁵ Начиная с 1959 г. издано 7 различных дунганских словарей. Последний, наиболее полный: Русско-дунганский словарь в трех томах. Фрунзе, 1981. Словарь включает более 35 000 слов.

турный язык формировался на основе фрунзенского разговорного диалекта, генетически восходящего к говору выходцев из Ганьсу. В процессе функционирования дунганского литературного языка произошло известное сближение фрунзенского и токмакского диалектов (последний связан по происхождению с говором выходцев из Шаньси). Этому способствовали школьное образование на дунганском языке, быстро развивающаяся дунганская литература, пресса, передачи по радио и т. д. Становление дунганского литературного языка было в основном завершено в довоенный период.

В послевоенный период, особенно в период развитого социализма, процесс обогащения дунганского языка еще больше усилился. Этому способствовало развитие советского дунгановедения, прежде всего научная деятельность дунганских ученых,²⁶ бурный расцвет дунганской литературы, получивший свое наиболее полное отражение в творчестве народного поэта КиргССР Я. Шивазы.²⁷ Особо следует отметить роль издающейся на дунганском языке газеты «Шыйуэди чи», поскольку вокруг нее группируются дунганские писатели и поэты, ученые, т. е. ведущая часть дунганской интеллигенции. В ней печатаются художественные произведения и научные статьи. Это в свою очередь приводит к тому, что в газете нередко продолжает фиксироваться лексика, давно ушедшая из разговорного языка или даже ему незнакомая, привносимая учеными и образованными эрудитами. По республиканскому радиовещанию проводятся регулярные литературно-музыкальные передачи на дунганском языке. По местному телевидению периодически передаются концерты дунганской художественной самодеятельности.

Все усиливающиеся этнокультурные контакты между народами в советское время способствовали дальнейшему изменению словарного состава, грамматического строя и фонетических особенностей, что находило закрепление в дунганском литературном языке, развивающемся на основе русского фонетического письма.²⁸ В со-

²⁶ Каракеев К. Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1974, с. 182—186.

²⁷ Макеева Ф. Х. Становление дунганской литературы. — В кн.: Труды по востоковедению, II. Тарту, 1973 (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, вып. 309), с. 117—147.

²⁸ Стратанович Г. Г. Новый дунганский алфавит. — СЭ, 1954, № 1, с. 164—165; Калимов А. Новый алфавит для советских дунган. — Краткие сообщ. Ин-та востоковедения АН СССР, 1955, № 12, с. 134—136. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что нормативным в языке дунган стал фрунзенский диалект, тогда как в Китае для ханьского современного языка, на котором говорят хуэй, нормативным является пекинский говор. Таким образом, нормативными для хуэй в Китае и для дунган в СССР являлись совершенно разные диалекты. Ханьский язык обслуживает иероглифическая письменность, дунганский язык — письменность на русской графике. Последняя в отличие от первой способна точно воспроизводить заимствования из разных языков. И еще один существенный факт. Китайские ученые заметили, что язык ханьцев и хуэй, пришедших из разных районов страны и обосновавшихся 100—200 лет тому назад в Синьцзяне, претерпел определенные качественные изменения и не равнозначен первоначальным диалектам, например Ганьсу, Шаньси, Хэбэй и т. д.: в фонетике, словарном фонде, грам-

ветский период дунганский язык, как единый разговорный, так и литературный, обогатился большим количеством новых слов и терминов, отражающих явления и понятия, связанные с новым социалистическим и коммунистическим строительством в нашей стране.

Сами дунгане не отождествляют свой язык с китайским и рассматривают его как самостоятельный. Конечно, в языке советских дунган еще и сейчас отражаются многие особенности прежних китайских диалектов и говоров соответствующих районов, из которых произошло переселение, однако нельзя не видеть основного — формирования нового, самостоятельного языка, входящего в китайско-тибетскую языковую семью.

Обращая внимание на невозможность структурного определения языкового или диалектного статуса того или иного объединения, Б. А. Серебренников подчеркивал: «По сравнению с неизбежно производным — в данном отношении — характером структурных критериев довольно твердую опору в этом отношении составляют критерии социологического порядка. Среди последних наиболее оперативными являются наличие (или, наоборот, отсутствие) взаимопонимаемости, единого литературного языка, а также единого самосознания народности».²⁹

С формированием и развитием дунганской социалистической народности неразрывно связано формирование и развитие дунганского литературного языка в СССР.

З. П. СОКОЛОВА

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА БРАЧНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ И ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ (НА МАТЕРИАЛАХ ОБСКИХ УГРОВ)

Этнический ареал — территорию расселения этноса или его подразделения (например, этнографической группы) — можно выявить на основе различных признаков этноса: языка, культуры. Для выявления границ этнического ареала мы предлагаем еще один признак — степень эндогамности, или процент эндогамных браков (браков, заключенных в пределах данной этнической группы). Рассмотрим этот признак на примере хантов и манси.

матике есть заметные отличия от исходного варианта. Подробнее об этом см.: Ян Сяо минь. Усилить исследовательскую работу по обследованию диалектов ханьского языка в районах малых народов. — Чжунго юйвэнь («Китайский язык»), Пекин, 1960, № 12, с. 431—432. (На кит. яз.).

²⁹ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 452. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие советские ученые, см.: Эдельман Д. И. О принципах языкового и диалектного членения при отсутствии письменности (на материале памирских языков). — В кн.: Сопевание по общим вопросам диалектологии, истории языка, Ереван, 1973. М., 1973, с. 58—59.